

Ф.С. Тагауров¹, Л.В. Тагаурова²✉

¹Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»
Омск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

E-mail: fil_opossum@mail.ru; li-sa65@mail.ru

Первые итоги исследования русского могильника XIX – первой четверти XX века Евгашчино IV в Омском Прииртышье

Эволюция обряда погребения у русского населения Западной Сибири прослеживается, как правило, по материалам ранних этапов освоения края. В основном это некрополи городов и острогов. Погребальные памятники XIX в. изучены в Новосибирском Приобье и Барнауле. В Омском Прииртышье погребальные практики исследовались по результатам раскопок сельских поселений XVII–XVIII вв. Некрополи XIX в. не изучались. В 2020 г. в ходе аварийно-спасательных работ на могильнике Евгашчино IV, относящемся к XIX – началу XX в., изучено 34 погребения (11 взрослых). Могильное поле оказалось плотно заполненным, зачастую одна могильная яма прорезала другую. Практически все захоронения были ориентированы по линии запад – восток или северо-запад – юго-восток. Зафиксированные элементы похоронного обряда показали наличие разных погребальных конструкций – гробов и колод, выполненных из дерева. На некоторых захоронениях зафиксированы основания надмогильных конструкций – деревянных крестов. Могильные ямы, как на памятниках XVII–XVIII вв., имели разную глубину: от 35 до 170 см. Необычной чертой погребального обряда в раскопанной части кладбища стало присутствие в могилах глиняной посуды, в т.ч. с углями. Аналогичная традиция зафиксирована для XIX в. в Новосибирском Приобье. Погребальный инвентарь представлен несколькими группами предметов: нательными крестиками разных типов, элементами костюмного комплекса (предметы одежды и обуви, пуговицы). В двух женских захоронениях сохранились волосы, уложенные в погребальную прическу. Полученная информация пополнит базу данных по погребальному обряду русских Омского Прииртышья и Западной Сибири, позволит проследить его эволюцию в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: археология русских, погребальный обряд, Омское Прииртышье, XIX – начало XX в.

Philipp S. Tataurov¹, Larisa V. Tataurova²✉

¹Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve “Antiquity Siberian”,
Omsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: fil_opossum@mail.ru; li-sa65@mail.ru

First Results of the Study of the Russian Burial Ground of the 19th to the First Quarter of the 20th Century Evgashchino IV in the Omsk Irtysh Region

The evolution of the burial ceremony for the Russian population in the Western Siberia can be traced by the materials from the early stages of the region development. Basically, these are the necropolises of cities and ostrogs. Funeral sites of the 19th century were studied in the Novosibirsk Ob region and Barnaul. In the Omsk Irtysh region, burial ceremonies were studied based on the results of excavations of rural settlements of the 17th to 18th centuries. Necropolises of the 19th century have not been studied. Thirty-four burials (including 11 burials of adults) were studied in 2020, during the rescue excavations at the Evgashchino IV burial ground, dating back to the 19th to early 20th centuries. The grave field turned out to be densely filled, often one grave pit cut through another. Almost all burials were oriented along the west-east or northwest-southeast

line. At some burials, the foundations of grave structures, i.e. wooden crosses, were observed. The fixed elements of the funeral rite showed the presence of various funerary structures. Sepulchral hole were different depths: from 30 to 170 cm as if they were tombs in the 17th to 18th centuries. An unusual feature of the burial ceremony in the cemetery included the discovery of pottery in the graves, including pottery with coals. A similar tradition was recorded for the 19th century in the Novosibirsk Ob region. Burial items are represented by several groups of objects: crosses of various types, elements of costume (items of clothing and footwear, buttons). In two female burials, hair was preserved, styled in a funeral hairstyle. This research will add information to the database on the burial rite of the Russians in the Omsk Irtysh region and the Western Siberia and will show its evolution in historical retrospect.

Keywords: archeology of the Russians, funeral rite, Omsk Irtysh region, 19th century, early 20th century.

Введение

В рамках развития русской археологии в Сибири происходит накопление археологического материала по разным направлениям. Одно из них – погребальный обряд русских сибиряков. К настоящему времени изучен ряд как городских (Тара, Кузнецкий острог, Томск, Тобольск и др.), так и сельских некрополей (памятники Ананьино I и Изюк I в Омском Прииртышье, кладбище с. Ильинского под Кузнецком, Горноправдинский погребальный комплекс в Нижнем Прииртышье и др.).

Литература по данной проблематике весьма обширна, включает в себя как монографии (напр.: [Татаурова, 2010]), так и статьи по конкретным памятникам или обобщающего характера (напр.: [Зайцева, Кениг, 2014; Татауров Ф.С., 2018; Ширин, 2011; Бердников, 2011; Данилов, 2012, 2014]). Проведенные исследования позволили реконструировать планиграфию кладбищ, проследить эволюцию обрядовых практик в ретроспективе, на основе материальных элементов создать достоверную схему этапов погребального обряда.

Продолжение изучения погребальных практик русского населения в различные периоды истории Западной Сибири Нового времени необходимо как для расширения базы данных по обозначенной проблематике, так и для подтверждения и корректировки полученных ранее выводов, повышения их репрезентативности.

В мае 2020 г. сотрудниками отдела культурного наследия музея-заповедника «Старина Сибирская» была получена информация о разрушаемом р. Иртыш русском кладбище одной из ныне несуществующих деревень Большереченского р-на Омской обл. После выезда на памятник было принято решение о незамедлительном проведении спасательных работ, в которых приняли участие сотрудники музея-заповедника «Старина Сибирская», Омской лаборатории ИАЭТ СО РАН, а также волонтеры.

Работы финансировались администрацией Большереченского р-на Омской обл. и Такмыкского сельского поселения, по договоренности с кото-

рыми все антропологические останки были перезахоронены в общей могиле в действующей части кладбища с установкой памятного знака.

Материалы и методы

Деревня Красный Яр, к которой относится разрушаемое кладбище, основана в 1776 г. Она расположена в 2 км от современного п. Хлебоприемный Пункт Такмыкского сельского поселения, в 11 км от с. Такмык и в 6 км от с. Евгацино Большереченского р-на Омской обл. На момент переписи населения 1926 г. в деревне проживали 393 чел., 189 мужчин и 204 женщины, население состояло в основном из русских [Список..., 1928, с. 8].

Впервые научное описание памятника было выполнено аспиранткой Омского филиала (с 2018 г. Омская лаборатория) ИАЭТ СО РАН И.Д. Кромм в 2012 г. Снят ситуационный план погребального комплекса, состоящего из старой части, ограниченной рвом, и новой, расположенной к западу, зафиксирован факт единичных обрушений захоронений в р. Иртыш, составлен пофамильный список погребенных на новой части кладбища [Кромм, 2013].

Старая часть кладбища расположена на краю высокого мыса, образованного коренной террасой западного берега р. Иртыш, и вытянута по линии ЮЗ – СВ на 30 м. Ширина (СЗ – ЮВ) – 15 м. Высота террасы р. Иртыш в месте нахождения памятника 10 м. С севера и востока погост ограничен краем мыса и обрывом берега реки. С запада и юга – рвом шириной до 3 м, глубиной до 0,7 м.

Границы площадки внутри рва были приняты за границы памятника, получившего наименование Евгацино IV. Снят его инструментальный план, в ходе съемки было зафиксировано 22 бугорка подовальной формы, ориентированных чаще по линии З – В, которые были идентифицированы как могильные холмы. Выявлено было также поднятие прямоугольной формы в центральной части памятника размерами 4 × 3 м, высотой 0,20–0,25 м, возможно, на этом месте располагалась часовня.

Обсуждение результатов

Для проведения археологических работ был выбран участок обрыва берега, на котором при наблюдении от уреза воды р. Иртыш прослеживалось наибольшее количество разрушающихся погребений. Общая площадь раскопа составила 34 м². В процессе исследований изучено 34 погребения (11 взрослых, 23 детских), расположенных в ряд по краю обрыва реки с ЮЗ на СВ. Выборка заполнения раскопа осуществлялась по общепринятой методике.

При выборке первого и второго горизонтов в слабовыраженном культурном слое, представленном черным гумусом, нарушенном могильными ямами, обнаружены немногочисленные фрагменты керамики, датируемые эпохой ранней бронзы (в частности, некоторые из них можно отнести к кротовской культуре), что позволило сделать вывод о многослойном характере памятника. Вероятно, на мысу, где при основании деревни было устроено кладбище, находилось поселение раннего времени, ныне практически полностью уничтоженное рекой и погребальным комплексом.

Первые погребения были обнаружены на глубине 35–40 см от современной дневной поверхности. Плотность заполнения могильного поля погребениями очень большая, зачастую одна могильная яма прорезала другую. Практически все захоронения ориентированы по линии З – В или СЗ – ЮВ. Глубина детских погребений варьировалась от 35 до 160 см, взрослых – от 110 до 170 см. Несмотря на то, что исследуемая часть кладбища относится ко второй половине XIX – началу XX в., здесь тоже отсутствует единый стандарт глубины могил, как и на более ранних аналогичных памятниках. В частности, на могильнике комплекса Изюк I, находящегося на восточном берегу Иртыша в 10 км к северу и относящегося к XVII–XVIII вв., глубина от современной дневной поверхности взрослых могил в среднем от 60 до 135 см, детских – от 20 до 95 см [Татаурова, 2010, с. 228–231]. Все могильные ямы, для которых удалось зафиксировать и описать границы, имеют овальную форму и вертикальные стенки, которые у части ям сужаются ко дну.

По типам погребальных конструкций могилы разделяются на захоронения в деревянных долбленых колодах (домовинах) и в гробах из досок, сбитых железными гвоздями. Из 34 захоронений 18 совершены в гробах (из них 8 взрослых), 16 – в колодах (из них 3 взрослых). Иногда в погребениях, залегающих на одном уровне вплотную друг к другу, гробы соседствовали с колодами.

Если проследить соотношения погребальных конструкций на русских памятниках более раннего времени, то на могильнике XVII–XVIII вв. Изюк I в 261 погребении было всего два гроба, одно детское захоронение в люльке, остальные 258 захоронений – в колодах [Там же, с. 56].

На втором городском кладбище Тобольска, датируемом XVII в., в колодах хоронили преимущественно детей, а для взрослых изготавливали гробы из досок [Балюнов, Данилов, 2013, с. 51–52]. На Преображенском кладбище XVII в. в Кузнецком остроге из 12 захоронений одно было сделано в гробу, остальные – в колодах [Ширин, 2011, с. 418–419]. На Горноправдинском некрополе второй половины XVIII – XIX в. зафиксированы в 29 случаях захоронения в колодах, 6 – в гробах [Зайцева, Кениг, 2014, с. 24].

По мнению И.А. Кремлевой, использование гробов «долбленых из колод» бытует до конца XIX в., да и то, только для детей [1999, с. 517]. В Приморском крае Ю.В. Аргудьева зафиксировала «домовину» из колоды кедра в 1973 г. [2000, с. 193]. Сбор Л.В. Татауровой этнографического материала в с. Евгацино и близлежащих деревнях показал, что использование долбленых колод для погребения практиковалось минимум до середины XX в. [Татаурова, 2010, с. 90–91].

Достоверно установить, чем руководствовались русские сибиряки при выборе типа погребальной конструкции, пока не представляется возможным.

По материалам могильника Евгацино IV, как и более ранних аналогичных памятников, внутреннее обустройство колод можно разделить на два типа: с подголовником в виде оставленного выше дна деревянного выступа у короткой стенки колоды в изголовье или без подголовника. В единичных случаях в гробах и в колодах встречается щепка, возможно положенная под тело умершего. В одном из гробов нижняя часть вместе с умершим была засыпана светло-серым суглинком, который на территории расположения памятника не фиксируется.

Подобная практика заполнения внутреннего пространства погребальных конструкций грунтом отмечена в материалах памятника Изюк I, где половина взрослых погребений внутри колоды засыпана землей; среди детских захоронений таких случаев меньше. В Изюке эта черта связывается с сезонными (зимними) погребениями [Там же, с. 197–246].

В шести захоронениях зафиксированы основания надмогильных конструкций – деревянных крестов. Они представлены фрагментами бревен диаметром 10–15 см, установленных вертикально в ногах умерших у восточной границы погребальных конструкций. В одном случае основание креста попало (или специально помещено) в глиняный сосуд (рис. 1).

Рис. 1. Группа детских захоронений с керамическими сосудами и остатками надмогильного креста. Могильник Евгачино IV, вид с севера. Фото Ф.С. Татаурова.

Умершие уложены вытянуто на спине, головой на запад (СЗ), руки согнуты в локтях и скрещены на поясе или груди.

Вещевой комплекс, обнаруженный в могилах, можно разделить на три основные группы: погребальная посуда, нательные кресты и элементы костюма (одежда, пуговицы).

Погребальная посуда обнаружена в 15 из 34 погребений – в 5 взрослых и 10 детских. Сосуды были поставлены в десяти случаях в изголовье, с правой стороны рядом с гробом, в двух случаях из-за высокой плотности могил установить, в ногах или в изголовье установлен сосуд, невозможно, в трех случаях сосуд (или его фрагмент) был поставлен в ногах, но также с правой стороны. Целые сосуды все поставлены на дно, в четырех случаях внутри были обнаружены мелкие угли, в одном – щепка. При этом стоит отметить, что большая часть из них была бытовой посудой и перед тем, как была опущена в могилу, использовалась по прямому назначению. В трех случаях в погребениях обнаружены только отдельные фрагменты. Типологический набор сосудов разнообразен: горшки, кринки, миски.

Традиция, связанная с опусканием в могилу глиняной посуды, в Сибири фиксируется с XIX в.,

в частности в Верхнем Приобье отмечается ее широкое распространение. Посуда с углями использовалась при окурировании умершего, его жилища и гроба до совершения похорон, потом сопровождала покойного до кладбища, использовалась при окурировании могилы и помещалась в могилу вместе с гробом в ногах или изголовье погребенного [Воробьев, 2001, с. 506]. По мнению исследователей, обряд постановки сосуда с углями в могилу в Сибири, скорее всего, связан с выходцами из Белоруссии, возможно с Русского Севера. Предполагается, что он восходит к обряду трупосожжения и был связан с идеей заселения неба душами предков, идеей домашнего очага, переносимого в загробный мир [Воробьев, 2001, с. 508; Мамонтова, 2012, с. 92].

Жители одного из близлежащих к изучаемому памятнику сел, Такмыка, утверждают, что горшочки с углями в могилу опускались, чтобы «греть покойника», эта традиция сохранялась до недавнего времени.

Второй инвентарной группой стали нательные крестики. Обнаружены в 16 захоронениях из 34, причем только в детских. Девять из них относятся к типу 1 по типологии В.И. Молодина

Рис. 2. Захоронение женщины с шелковым платком. Могильник Евгацино IV, вид с севера. Фото Л.В. Татауровой.

Рис. 3. Погребальная прическа женщины из захоронения с платком. Могильник Евгацино IV. Фото Л.В. Татауровой.

[2007, с. 41–49, 63–65, 73, 78]. Остальные семь представляют типы 6 (подтип 1), 7 (подтип 2) и 8 (подтип 2).

Два крестика с памятника Евгацино IV не представлены в типологии В.И. Молодина, но имеют

аналогии в погребальных комплексах поселений Ананьино I и Изюк I (XVII–XVIII вв., Тарский и Большереченский р-ны Омской области) и выделены И.Д. Кромм в 13-й тип [Кромм, Бердников, 2012, с. 225]. Аналогичные экземпляры имеются в материалах Крестовоздвиженского некрополя Иркутска и, по мнению И.Д. Кромм и И.М. Бердникова, датируются второй половиной XIX в. [Там же, с. 224–25].

Сохранившиеся элементы костюма свидетельствуют об отсутствии у местных жителей в описываемый период практики изготовления специальной погребальной одежды. Имеющиеся в погребениях детали костюма можно отнести к праздничным: шелковый платок в одном из взрослых женских погребений (рис. 2), брюки из плотной ткани во взрослом мужском погребении, в детском – фрагменты рубашки яркой расцветки с пластмассовыми пуговицами. В двух захоронениях зафиксированы кожаные чирки – традиционная погребальная обувь русского населения Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв. [Богомолов, Татаурова, 2014].

В двух взрослых женских захоронениях на черепе сохранились волосы, собранные в прическу – две косы, заплетенные с боков и уложенные «корзиночкой» (рис. 3). Такая форма погребальных причесок прослеживается как в погребальном обряде XVII–XVIII вв., так и в этнографических материалах [Татаурова, 2010, с. 182, рис. 56].

Выводы

Проведенное исследование выявило перспективность изучения погребальных комплексов XIX – начала XX в. для понимания процессов эволюции погребального обряда русского населения Западной Сибири. В частности, в Омском Прииртышье исследован ряд могильников XVII–XVIII вв., имеются этнографические описания кладбищ ныне существующих деревень, однако для XIX – начала XX в. научной информации по обозначенной проблематике практически нет.

В ходе работ удалось установить, что, как и в XVIII в., отсутствует стандарт глубины могилы, при этом продолжает соблюдаться ориентация захоронений по линии З – В. Судя по материалам могильника, традиция изготовления колод, или домовин, продолжала сохраняться минимум до 30–40-х гг. XX в., причем использовались они наравне с гробами. Интересной представляется традиция применения посуды в погребальном обряде. Такая практика на русских кладбищах известна пока только по материалам Верхнего Приобья. Как представляется, это может стать темой отдельного исследования.

Список литературы

Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 365 с.

Балюнов И.В., Данилов П.Г. Археологи открывают тайны Софийского собора // Наследие Тюменской области. – 2013. – № 1 (3). – С. 50–53.

Бердников И.М. Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2011. – С. 275–282.

Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 2. – С. 7–18.

Воробьев А.А. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 506–508.

Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII вв. в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7. – С. 154–167.

Данилов П.Г. Некрополи XVII–XVIII вв. в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в архео-

логических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 2. – С. 19–21.

Зайцева Е.А., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 2. – С. 23–27.

Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. – М.: Наука, 1999. – Гл. 13: Семейные обряды. – С. 517–533.

Кром И.Д. Отчет об археологической разведке на территории Большереченского и Тарского районов Омской области в 2012 году. – Омск, 2013 // Арх. Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 38-1. 115 с.

Кром И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Ист. исследования. – 2012. – № 4. – С. 222–226.

Мамонтова О.С. Керамика как элемент похоронного обряда русского населения Алтая XIX – первой четверти XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2012. – № 362. – С. 91–92.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острова. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928. – Т. 1. Округа Западной Сибири. – 824 с.

Татауров Ф.С. Русские погребальные комплексы Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. как источник для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2018. – № 56. – С. 151–157.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Ширин Ю.В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Ом. фил. Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2011. – С. 416–422.

References

Argudyaeva Yu.V. Staroobryadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii. Moscow: IEA RAS, 2000, 365 p. (In Russ.)

Balyunov I.V., Danilov P.G. Arkheologi otkryvayut tainy Sofiiskogo sobora. In *The heritage of the Tyumen region*, 2013, No. 1 (3), pp. 50–53. URL: http://www.tobolsk-expedition.ru/author/danilov_balunov/archeology_about_SUS.pdf (Accessed: 12.10.2020). (In Russ.)

Berdnikov I.M. Nekropoli Irkutskia XVIII–XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. In *The Culture*

of Russians in Archaeological Research, Omsk: Omsk Branch of Rus. State Univ. of Trade and Economics, 2011, pp. 275–282. (In Russ.).

Bogomolov V.B., Tataurova L.V. Funeral leathern footwear of Russians of Omsk Priirtyshye in XVII–XVIII centuries. In *The Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 2, pp. 7–18. (In Russ.).

Danilov P.G. Orthodox necropolis of XVII–XVIII centuries in the Abalak village Tobolsk district: results and prospects of research. In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 154–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnyy-nekropol-xvii-xviii-vekov-v-sele-abalak-tobolskogo-rayona-itogi-i-perspektivy-issledovaniya> (Accessed: 14.10.2020). (In Russ.).

Danilov P.G. Necropolises of XVII–XVIII centuries in Tobolsk city building structure on the basis of archaeological and historical materials. In *The Culture of Russians in Archaeological Research*, Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 2, pp. 19–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23164595&> (Accessed: 12.10.2020). (In Russ.).

Kremleva I.A. Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady. In *Russians*. Moscow: Nauka, 1999, chap. 13, pp. 517–533. (In Russ.).

Kromm I.D. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke na territorii Bol'sherechenskogo i Tarskogo raionov Omskoi oblasti v 2012 godu. Omsk, 2013. *Archive of the Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East, Omsk Branch IAET SB RAS*, 2013, F. VII-1, D. 38-1, 115 p. (In Russ.).

Kromm I.D., Berdnikov I.M. Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoi kollektcii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropolei g. Irkutsk. In *Herald of Omsk State University. Series: Historical Studies*, 2012, No. 4, pp. 222–226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-vozmozhnosti-datirovaniya-stavrograficheskoy-kollektcii-omskogo-priirtyshya-metodom-sravnitel'nogo-analiza-s-materialami> (Accessed: 16.10.2020). (In Russ.).

Mamontova O.S. Keramika kak element pokhoronnogo obryada russkogo naseleniya Altaya XIX – pervoi chetverti

XX v. In *Tomsk State Univ. J. of History*, 2012, No. 362, pp. 91–92. URL: http://journals.tsu.ru//vestnik/&journal_page=archive&id=875&article_id=5312 (Accessed: 20.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilmskogo ostroga. Novosibirsk: Infolio, 2007, 248 p. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Pogrebal'nyi obryad khristianskikh kladbishch Pritom'ya XVII–XVIII vv. In *The Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk: Omsk Branch of Rus. State Univ. of Trade and Economics, 2011, pp. 416–422. (In Russ.).

Spisok naselyonnykh mest Sibirskogo kraya. Novosibirsk: Sov. Sibir', vol. 1. Okruga Zapadnoi Sibiri, 1928, 824 p. (In Russ.).

Tataurov F.S. Russian burial complexes of Western Siberia of the XVII – first half of the XIX centuries as a source for reconstruction of the socio-cultural image of a Russian Siberian. In *Tomsk State Univ. J. of History*, 2018, No. 56, pp. 151–157. doi:10.17223/19988613/56/20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-pogrebalnye-kompleksy-zapadnoy-sibiri-xvii-pervoy-poloviny-xix-v-kak-istochnik-dlya-rekonstruktsii-sotsialno-kulturnogo-oblika> (Accessed: 09.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V. Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izyuk 1. Omsk: Apel'sin, 2010, 284 p. (In Russ.).

Vorob'ev A.A. Sosudy s uglyami iz russkikh pogrebeniy Verkhnego Priob'ya i Baraby kak ob'ekt arkheologo-etnograficheskogo izucheniya. In *Historical and Cultural Heritage of North Asia: Results and Prospects of Study at the Turn of the Millennium*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2001, pp. 506–508. (In Russ.).

Zaitseva E.A., Kenig A.V. Funeral rites of XVIII–XIX centuries Nizhnee Priirtyshye Russian old residents (based on Gornopravdinsk cemetery excavation materials). In *The Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 2, pp. 23–27. (In Russ.).

Tarayrov Ф.С. <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

Tarayrova Л.В. <https://orcid.org/0000-0003-4829-7619>